

Фируз Мустафа
ДВЕРЬ

проза

Фируз Мустафа

Дверь. проза

«Издательские решения»

Мустафа Ф.

Дверь. проза / Ф. Мустафа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939863-5

В настоящем издании представлены два произведения, драматические романы известного азербайджанского писателя и философа Фируза Мустафы.

ISBN 978-5-44-939863-5

© Мустафа Ф.
© Издательские решения

Содержание

Фируз Мустафа	6
...Дверь...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дверь проза

Фируз Мустафа

© Фируз Мустафа, 2018

ISBN 978-5-4493-9863-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои уважаемые читатели.

Вашему вниманию предлагаю два своих произведения, написанных в разное время, более того в разных веках. Мой первый роман был создан в 80-х годах XX века, а второй в первом десятилетии XXI века.

События, описанные в романе «Дверь» повествуют о прошлом, «Райский цветок» уведет вас в будущее.

Хотя содержание событий в книгах совершенно разное, точка пересечения смысла у них одна. Эти произведения можно назвать вечным набатом, зовом: давайте помнить, что мы люди.

Я вам желаю приятного чтения, мои дорогие читатели.

Фируз Мустафа

проза

открывающаяся во тьму

ДВЕРЬ

в эти мгновения словно устала принимать окропленные
слезами господи жертвы

Перевод Медины Эльдаровой

РАЙСКИЙ ЦВЕТOK

Перевод Еганы Мустафаевой

...Дверь...

(роман. кантата.)

ОТ АВТОРА

«...ДВЕРЬ...» написана в 1987—1988гг. В конце 80-х годов я обращался во многие издательства и журналы с целью издания этого произведения, но безрезультатно. Не помогла и «перестройка», осветившая многие темные места того периода. В соседней России читателям уже были представлены в свое время не увидевшие свет «арестованные» произведения многих писателей (Приставкин, Булгаков, Рыбаков, Платонов и др.) Моя же «...ДВЕРЬ...» все никак не открывалась. Сейчас вошло в обычай говорить о том, что у нас нет «литературы из сундука». Конечно, я не отношу себя к «репрессированным», «диссидентам», но фактом является то, что отрывки из «...ДВЕРИ...» увидели свет на страницах некоторых газет и журналов только в середине 90-х. Один из «толстых» журналов напечатал усеченный вариант в конце 90-х. Я рад, что «Открывающаяся во тьму ДВЕРЬ словно устала принимать жертвы окропленные слезами господ» (название длинное, по объему компактное) после долгих лет, наконец, представлена читателю в полном объеме.

**

Цветы, что в солнечные дни, при благоприятных условиях, источая аромат, раскрывают свои глянцево-лепестки, в пору хмурую, снежную, морозную вянут и желтеют, теряют аромат, грубеют и гибнут, наконец. И люди, как цветы: в пору жизни беззаботную, привольную они веселы и ласковы, а как попадают в ситуацию тяжелую, среду сложную, озлобляются, свирепеют, становясь жестокими существами.

ПРОЛОГ

... Место, в народе называемое «Рудником» – старое русло мелкой речушки, в последние годы было передано под надзор людям в серых шинелях, после чего та мелкая речка высохла раз и навсегда. «Рудник», где когда-то немецкие инженеры с помощью местного населения добывали медь, железо, золото, теперь, говорят, превратился в кладбище. Это слухи, потому что не было человека, который толком знал бы, что на самом деле происходило в тех местах. А если и знал кто, молчал. Но иногда, особенно по ночам, из места, называемого «Рудником», слышались глухие выстрелы и стоны. Говорят, там, где в свое время, добывали золото, расстреливали людей и закапывали в русло пересохшей реки. Об этом люди говорили тайком, со страхом, осторожно, не осмеливаясь даже взглянуть попристальнее в сторону «Рудника». Расстояние от центра до «Рудника» составляло где-то пятьсот километров. Теперь вместо пересохшей мелкой речушки там тек кровавый сель.

**

ВСТУПЛЕНИЕ. АРИЭТТА. ...и... ..это должен был быть четвертый по счету расстреливаемый Им в эту ночь человек – и последний, кому предстояло умереть в этот день. Скоро тяжело откроется дверь, сделанная из дубовых досок, спотыкаясь, выйдет на порог человек в сопровождении двух вооруженных охранников, посмотрит на Него вначале внимательным, жалким взглядом, который сменится тупым безразличием, какое-то время постоит на месте, потом, почувствовав спиной холодное дуло ружья, тяжелым шагом направится во двор, откуда узкая калитка поведет его в ночную тьму, а оттуда к смерти, последнему пристанищу... Он был уверен, что допрашиваемый сейчас там внутри человек обязательно споткнется на выходе, а потом жалко-жалко посмотрит ему в лицо. Потому что до сегодняшнего дня, на протяжении всех тех месяцев, что проработал здесь, Он не раз был свидетелем того, как все допрашиваемые за дубовой дверью выходят оттуда одним и тем же шагом, одинаковой походкой, и выра-

жение лиц у них одинаковое, у всех одно и то же. Хорошо знал он и то, что прежде, чем переступить этот порог, лица у этих людей были немного иными; в другое время их легко было отличить друг от друга по походке, поведению; обычно люди входили широким или мелким шагом, с разным выражением лица – страх, удивление, недоумение... встречались и улыбающиеся лица – но с того мгновения, как открывалась перед ними дубовая дверь, от прежних выражений на лицах их не оставалось и следа. В этом Он был уверен. На лицах, в глазах, где были страх, удивление, недоумение... и даже улыбка мелькала порой, потом уже читалось нечто иное. В действительности, называть это нечто выражением лица было неверно, потому что это было скорее отсутствием какого-либо выражения, чем-то вроде оцепенения, отупения и еще жалкости... На лицах людей, за которыми закрывалась дубовая дверь, поначалу теплился едва заметный отсвет, отчего-то напоминавший Ему затухающие лучи осеннего Солнца. Человек же, перед которым открывалась дубовая дверь, понимая, что скоро всему придет конец, забыв все страхи и надежды, думает о неизбежном: это боль, боль тела и души... Человек, которому никуда не убежать от смерти, прикидывает, с какого фланга она его атакует. С какого направления нападёт смерть, зависело от Него, и сейчас, сидя на маленьком табурете в маленькой комнатке по эту сторону дубовой двери, Он с нетерпением ожидал появления четвертого человека, которого Он должен убить, и последнего, чья смерть предусмотрена была в эту ночь. Ждал не потому, что был особым любителем убивать; нет, просто потому что после четвертого убитого человека закончится Его рабочий день. После этого – то есть после того, как на совесть, как положено, выполнит очередное задание сегодняшнего дня, сдаст начальнику свое оружие, Он пойдет домой, помоемся, ляжет рядом с женой, слушая сонное дыхание детей, прочтет про себя молитву и заснет тревожным сном...

Но пока до конца рабочего дня оставалось еще достаточно времени...

Скоро откроется дубовая дверь. Потом пройдет около получаса времени, с той стороны поселка послышится глухой выстрел, где-то залают собаки, тьма затопит двери и окна редких освещенных домов, все стихнет вокруг, и слышно будет только журчание реки, делящей поселок на две части. В журчании той реки таится что-то ужасное; что это такое, Он будет стараться определить для себя долгое время, но все безрезультатно, и, сторонясь этого непонятного ужаса, проводя день за днем, размышляя по вечерам о предстоящих на завтра делах, уходящую ночь молитвой будет Он тачать к грядущему утру...

Завтра опять раза три-четыре откроется и закроется дубовая дверь, вперятся в Него застывшие глаза, мерцающие на ничего не выражающем лице, вышедший человек, как баран на бойню, пойдет впереди Него по направлению к ожидающей его, такой родной и близкой, смерти. Это будет другой человек, точно так же, как вчерашний человек не был человеком позавчерашним; и завтрашний человек не будет сегодняшним...

И не было конца ни людям, ни заглывающим их ночам, ни выстрелам, тревожащим те ночи. Не видно было конца и Его беспокойным снам...

Он потерял счет времени, которое проработал здесь. Но день, когда приступил Он к работе, его цвет и запах, темную ночь, распявшую тот солнечный день, и страх той ночи, всю тяжесть и горечь того страха помнил Он хорошо.

Грамоте Он учился у дяди. Умел читать и писать, человеком был спокойным, поначалу работал писарем, тем и семью кормил. Родителей потерял еще в детстве. Замужнюю теперь сестру и старшего брата вырастил дядя. Брат Его был врачом, образование получил за границей, в одном из городов Германии... Да, когда-то, то есть лет тридцать-сорок назад, в находившемся неподалеку от них местечке под названием «Рудник» добывали золото. Главным над здешними инженерами и рабочими был пожилой, крупного сложения немец. Дядя Его, получивший начальное образование и служивший при чиновнике, был знаком с несколькими инженерами; один из них по имени Ганс часто к ним заходил, старался выучиться у Его дяди местному наречию, письму и обычаям, – это был худой, веснушчатый, проворный и тру-

долюбивый немец. Ганс, в свою очередь, обучал Его старшего брата немецкому языку, а в свободное время занимался с ним уроками. Любил Ганс иногда, взяв винтовку, сходить с братьями на охоту... Потом Ганс и дядя Его послали старшего брата учиться в какой-то немецкий город. Старший брат вернулся оттуда через шесть лет; он выучился, стал врачом, характером окреп. Тогда Он завидовал старшему брату, его одежде со значком на груди, его манерам, поведению... Он тоже хотел бы продолжить образование на родине Ганса, но дядя на это был не согласен, объяснив тем, что скоро немцы уйдут отсюда. И, правда, скоро стало беспокойно, работавшие на Руднике немецкие инженеры потихоньку стали уезжать. Последним покинул Рудник Ганс; прощаясь, веснушчатый немец, обнялся с Его дядей и старшим братом. Глаза Ганса полны были слез, дядя тоже расстроился, брат всхлипывал. Ему же не очень нравился этот конопатый немец, потому что Ганс не послал Его учиться и не занимался с ним...

Сначала Он был писарем; помогло то, чему учил Его дядя – писать, читать. Пусть не был Он таким образованным, как брат, но писать и читать умел. Потом долгое время работал он мясником. Работа Ему нравилась: издали взглянув краем глаза на животное, – будь то баран или корова, – Он точно называл его вес. Неплохо кормил семью. Оттого что умел писать и читать, помогал порой и соседям – то письмо напишет, то ребенка азбуке обучит... Зарабатывать любил честно, покупателей своих не обвешивал и не обсчитывал. Когда придется, и в долг давал на долгий срок. Долгом своим считал помогать бедным да убогим.

**

ХОР. – Таг-таг-таг-тараг!..

Потом звуки выстрелов заглохли, притупились:

– Пыф-ф-ф...

Потом на окрестности опустилась тишина.

А потом запели улитки.

Земля впитала влагу Небес.

А улитки на все голоса распевали свои песни.

**

РЕЧИТАТИВ. Сотворения мира на Землю приходят и уходят насекомые, птицы, звери и люди. Люди со дня рождения бегут от смерти, но сами того не ведая, к смерти спешат. Каков смысл жизни? Если последний адрес жизни – смерть, то к чему все эти муки и страдания?

Судьба и жизнь людей, эпохами, веками идущих, шагающих, ползущих по дорогам, которым не видно конца, часто висит на волоске. Люди думают о себе, о мире, о смерти, но не могут вырваться и убежать ни от самих себя, ни от мира, ни от смерти.

Как ни старался Мардан Халыг оглу, убежать от себя никак не мог. Пятый месяц он в бегах. Вопросы, что точно волки вгрызались в его нутро, не давали покоя: вернуться назад или нет? Убьют ли меня? И в чем моя вина, за что меня наказывать?..

Из старой хибары в безлюдных местах, где он прятался, вся округа просматривалась, как на ладони. Ни одной живой души не было видно в этих местах...

Стало холодать. Тряпье, которое стелил он по ночам на земляной пол вместо матраса, к утру отсыревало. В последнее время он чувствовал сухость в груди, боль в коленях, слабость в руках. Чувствовал и то, что сократилось расстояние между ним и смертью – это расстояние могло быть совершенно ничтожным, в пядь, или в несколько пядей; однако определить, каким образом будет исполнена смерть его, он не мог.

Он бежал из тюрьмы. Тюрьма та раньше тюрьмой не была, но его арестовали и посадили туда; и не только его одного, еще четверых; всего их было пять человек. В этом месте когда-то проводились священные обряды, читались молитвы, вершился намаз, добрым словом поминались усопшие. А теперь это святое место временно превращено было в тюрьму. Стены строения покрыты пятнами, спертый, удушливый, тошнотворный воздух резал глаза. Отвратительный смрад, в котором мешались запахи крови, мочи, испражнений, впитывался в легкие

заклоченных, затруднял дыхание. Место, когда-то считавшееся святым, теперь для них было и спальней, и кухней, и туалетом.

Мардан Халыг оглу пока толком не знал ни вины своей, ни причины ареста. Но из слов допрашивавших понял, что его считают особо опасным преступником: против него были выдвинуты обвинения, которые и во сне не могли ему привидеться.

*

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА (ДОПРОС)

– Имя, отчество, фамилия...

... -Возраст, профессия, адрес?..

... -Считаете себя преступником?..

На первые вопросы он отвечал сдержанно, но при слове «преступник» у него перехватило дыхание, загудело в ушах и не в силах сдержаться, он яростно накинулся на задающего вопросы:

– Нисколько!.. Я – не преступник!

– У нас на руках имеются доказательства, подтверждающие, что вы совершили преступления, подрывающие основы нашего государства...

– Во-первых, я двадцать лет верно служу этому государству. И, во-вторых, что это за государство, если основы его может подорвать один человек?

– Не уходите от вопроса. Если так, то скажите, вы и прежнему государству служили так же преданно?

– Да... А как же иначе?..

– От вас требуется четко и ясно отвечать на вопросы... С какого времени вы работаете в организации, деятельность которой направлена против нашего государства?

– Я не знаю такой организации... И членом такой организации никогда не был...

– Кого из членов этой организации вы знаете?

– Если я не знаю о существовании такой организации, как могу я знать ее членов?..

...Вернувшись к заключенным, он долго не мог прийти в себя. От злости тряслись руки, дрожали губы. Внутри у него будто костер разожгли, и дым его, клубясь, выходил вверх через макушку. «В чем моя вина, кому и что плохого я сделал? Работал рядовым учителем, учил детей писать и читать...»

В тот вечер он отказался от куска хлеба и кружки воды, выдаваемых заключенным. Охранник молча унес обратно и хлеб, и воду.

**

АРИОЗО. – Здесь священный дом Аллаха. Место, где впервые начали обучать наукам и грамоте. Поэтому, войдя, я снял обувь и совершил салават. А теперь смотрю – от святости здесь не осталось и следа. Разрушен мехраб. Знаете, что такое мехраб? Келья, указывающая направление Каабы. Минбер и того хуже. Что такое минбер? Кресло, в котором сидит мубаллиг. Пророк, до того, как вознестись, был унесен в святое место, и где находилось то место, не знал никто, кроме Аллаха. В том месте сейчас возвышается Ал-Месчид Ал-Гаса. Да, речь моя о том, что, ступая на святое место, человек должен жить священными чувствами. Сердце такого человека должно быть свободно от злобы и ненависти. Проклятый, проливающий кровь людскую, должен, рано или поздно, захлебнуться и утонуть в созданном им самим кровавом озере. В этом можете быть уверены. Не верите? Бек Ага всегда был провидцем. Поживете – увидите. Умрете – увидят другие. Не каждому суждено пойти на смерть из святого места. И когда на смерть пойдете, держите голову высоко поднятой, поприветствуйте того, кого встретите, даже если это будет палач ваш. Если станете так поступать, никогда ни о чем не беспокойтесь, все будет хорошо.

*

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА (ДОПРОС)

- Имя, отчество, фамилия...
- (Большая часть вопросов повторилась снова)
- Вы в своей педагогической деятельности агитировали за старый режим, открыто выступали против достижений нашего общества...
- Никогда...
- Вы проводили обучение на старом алфавите...
- Да... Потому что новый алфавит и сам еще достаточно не освоил...
- Вы вели религиозную пропаганду...
- Нет...
- Вы верите в Аллаха?..
- Да так... Честно говоря, мне трудно объяснить это...
- Если так, как вы можете вести атеистическую пропаганду?..
- Мне нет дела до Аллаха...
- Вы в обществе нашем ищите, большей частью, темные стороны...
- Я критиковал то, что не вмещалось в мое сознание. О том, что не нравилось мне, говорил открыто, при всех...
- Такими действиями вы старались очернить нашу власть в глазах народа. Пытались издеваться над государством нашим...
- Решительно нет!.. Никогда...

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

«Дорогой отец народов! Наш великий вождь! Разрешите, первым делом, выразить Вам и в Вашем лице всему нашему руководству, нашему государству глубокую благодарность за огромную заботу о нас.

Кто я такой? Никто! Обычный гражданин. Всю жизнь был преданным рабом Вашим и Ваших идеалов, нет у меня ни недовольства этим миром, ни чаяний никаких. Я доволен выше головы строим нашим, его законами и порядками. Лично мне он дал все. Землю дал, счастье, прекрасную семью, троих детей подарил. И я, в свою очередь, делал для него все, что мог. Всю жизнь свою я был беспощаден к врагам его. По мере возможностей своих старался лишать голов тех, кто не хотел склонять их перед Вашей силой, оставлять без глаз тех, кто не хотел видеть добрых перемен, даруемых Вами, уши отрезать тем, кто не хотел слышать Вашего имени. Мне пришлось вынести немало мук на этом пути. На сегодняшний день я расстрелял больше пятидесяти врагов народа, более пятнадцати семей отправил в ссылку, разоблачил деятельность двух тайных организаций, скольких разбойников-бандитов замучил. Но теперь по неизвестным мне причинам арестовали меня самого. Якобы я был членом какой-то тайной организации. Как будто признаю религию, верю в Аллаха. Это в корне ошибочно. Ведь я верно служил новой власти. Дстойно выполнял все данные мне поручения, всю свою сознательную жизнь посвятил счастью народа. А теперь меня самого схватили, как преступника. В чем я виноват? Конечно, я готов пройти любые испытания на пути к славным идеалам, которым посвятил жизнь свою. Но, клянусь, вины за мной нет.

В нашей тюрьме, заведении, почитаемом во всем нашем государстве, мне очень хорошо. Комната, в которой мы находимся, большая и светлая. Но отчего-то, я извиняюсь, забыли построить тут туалет... Когда-то здесь было святое место – место поклонения. Тогда, может быть, и не было нужды в туалете. Но теперь, поскольку это уже государственное учреждение, чувствуется большая в нем надобность. Уже сколько дней мы ходим по нужде здесь же, в уголочке... У входа в это учреждение повесили большой, красивый Ваш портрет. Но один угол его почернел. По-моему, его специально зачернили те, кто смотрит на Вас и на наше общество сквозь черные очки. Я требую наказать их...

Здесь о нас очень хорошо заботятся. Сколько дней уже идет следствие. Следствие ведет очень гуманный, прекрасный, интеллигентный и светлый... человек. Но после допросов с нами иногда шутят, причем рукоприкладством... Сегодня вдруг стали допрашивать меня и, честно говоря, пошутили грубовато... Выбили шесть зубов, помяли ребра... Плеснув в лицо воды, привели в чувство... Нет, нет! Я не жалуясь и не проявляю недовольства нашими законами. Что поделаться, порой мы должны терпеть и эти пресные шутки.

Обществу, государству нашему я всегда служил верой и правдой, и в дальнейшем тоже готов исполнить любой его приказ... Чувствую себя политически подготовленным, духовно зрелым, высоко развитым умственно и физически крепким. Это могут подтвердить все меня знающие. Я постоянно работаю над собой. Для усовершенствования моей политической зрелости здешние товарищи делают все, что могут.

Меня арестовали по недоразумению. Прошу Вас выделить пару минут своего драгоценного времени, прочесть мое письмо и сделать особое распоряжение о моем освобождении... Я Вас уверяю, что по выходе из тюрьмы вновь посвящу всю свою жизнь пропаганде Ваших идеалов, буду еще более беспощаден к врагам Вашим, развею пепел их по ветру.

Это письмо мое записывает Мардан Халыг оглу. Он здесь со мной. Он тоже доволен Вами и Вашей справедливой политикой. Мардан Халыг оглу, всю жизнь бывший писарем и учителем, тоже ни в чем не виноват. Нет, если и ошибся он, в будущем вину свою искупит. Я же вообще не ошибался.

Даю слово, что оставшуюся часть жизни верно прослужу Вам. Напрасно называли меня Аллахгулу. Я не верю в Аллаха. Я только Ваш раб. Я – раб вождя.

С уважением: Аллахгулу».

**

РЕЧИТАТИВ. ...В тот вечер один из сидевших с ними заключенных не вернулся... Потом здоровенный охранник приволок кого-то и втолкнул внутрь. Мардан Халыг оглу узнал его: это был один из законников, вертевшихся возле Адила, кажется, звали его Аллахгулу. Его ежедневно забирали отсюда, таща за собой, как чувал и, затем так же затаскивали обратно в угол.

Говорит, что понятия не имеет о своей вине: всегда был услужлив, исполнял приказы вышестоящих... Ему и самому было что сказать верхам. Только писать не мог, да и грамотным особо не был, поэтому попросил его записать все, что сказать хотел. Устроившись в углу зловонной комнаты, Мардаг Халыг оглу стал внимать Аллахгулу, у которого было разбито лицо, и весь вид его был ужасен. Беды его и просьбы оказались столь пространны...

В ту ночь с окраины поселка донеслись глухие выстрелы.

Мардан Халыг оглу от звуков их вздрогнул и прислушался – казалось, кусочки свинца впивались в него... Тело покрылось холодным потом. Колени задрожали... Другого арестанта он не узнал. Звали того Асланом. Молодой был человек. Говорили, его столько били и мучили, что в последние дни его рвало кровью. Одну ногу он приволакивал... Самым взрослым среди заключенных был уважаемый всеми в округе мужчина; к тому же шейх; среди народа был известен, как Бек Ага. Осужден за религиозную пропаганду. Надзиратели почему-то его не били, то ли боялись, то ли из уважения... У него были белые мохнатые брови и длинная борода. Пальцы же у Бек Аги были странные: белые, нежные, длинные. Почти девичьи. Не будучи близко знакомыми с Марданом Халыг оглу, они, тем не менее, быстро нашли общий язык... Бек Ага оказался шутником. Оптимизм и бодрость шейха, о котором он до того был только слышал, передались и ему. Шейх говорил, что не надо бояться смерти: она приходит в свое время и легко находит адрес, по которому направляется. Шейх ждал смерти, как приятного сна, как послания судьбы; он говорил, что мир – это вечная борьба хорошего и плохого, добра и зла; и если бы не эта борьба, миру нашему не быть; и короткую победу зла нужно воспринимать,

как нечто естественное; ведь для того, чтобы добро жило вечно, зло иногда должно побеждать; потому как, если не будет на Земле зла, то и добра не различить, и тогда мир рухнет...

Мардан Халыг оглу внимательно и уважительно слушал шейха... в ту же самую ночь он решился бежать. Но охранник был начеку, словно чувствовал что-то. У него же не было терпения ждать. Он решил твердо: или бежать, или умереть. Так и так смерть уже маячила перед ним. Оставалось только бежать; внезапно бросившись на вооруженного охранника, он стал душить его. У него не было мысли убивать, но, видя яростное сопротивление человека, бьющегося у него в руках, он напрягся, почувствовал, как руки его налились необычайной силой. Охранник захрипел, как колесо арбы, и смолк. В ночной темноте сверкнули его выпученные глаза. Аллахгулу, вскрикнув от страха, застонал, как будто душили его самого... Выпустив из рук бездыханное тело, Мардан Халыг оглу растерянно оглядывался, обводя товарищей взглядом. Аслан ползком, волоча ноги, отодвинулся в темный угол...

Бек Ага торопливо благословил его: если и совершил ты грех, убив человека, Всевышний тебя простит, одним злом на Земле стало меньше, наказал мерзавца, если и воскреснет он в судный день, грех свой осознает.

Но ему показалось, что надзиратель жив, не умер он; труп его у двери напоминал большой пень. Мардан Халыг оглу задумался, заколебался. Дрожь пробрала его. Но времени на раздумья не было. Взяв ружье надзирателя, крепко зажал его подмышкой и ушел в глубину ночи. Потом часто виделись ему выпученные глаза задушенного им человека...

Далеко, очень далеко пели улитки.

Ближе к утру, он снова услышал выстрелы. То ли опять кого-то расстреливали, то ли его искали...

**

КАВАТИНА. Скоро с жутким скрипом отворится дубовая дверь, и вооруженные охранники сдадут ему человека, приговоренного к расстрелу, Он же, наставив в спину приговоренного к расстрелу человека штык винтовки, выведет его во двор, где двое из трех охранников контрольного поста, дремлющих в это время у старой лампы, слабого света которой едва хватало даже для одной комнаты, быстро выйдут во двор, один из них прихватив железную лопату и лежащий рядом со старой лампой новый фонарь, который зажжет, выходя из помещения, второй же – схватив лишь ружье, после чего третий охранник проводит их – Его, Его коллег-охранников и приговоренного к расстрелу, – до ворот, выведет со двора и вернется обратно, они же широкой проселочной дорогой поспешат к кромке леса, к месту, называемому Рудником, и снова впереди будет идти Он, следом охранник с новым фонарем и ружьем, а за ними – торопливо двигаться охранник с одним ружьем, они пройдут до конца этот короткий и длинный (для кого как!) путь, наконец, остановятся в месте, называемом «Рудник», охранник с новым фонарем направит свет его на идущего впереди приговоренного к смерти человека, а Он, не поднимая винтовки, смерит взглядом с головы до ног приговоренного, ища подходящую для прицела точку, найдя которую, прицелится в этом направлении, бормоча что-то себе по нос (свою молитву), аккуратно исполнит порученное ему задание, потом той же дорогой с друзьями-охранниками вернется обратно, сдаст начальнику оружие, пойдет домой, умоется, ляжет рядом с женой и, слушая сонное дыхание детей, читая про себя молитву, уснет...

Он давно потерял счет расстрелянным им людям. Вначале считал: один, два, три, десять, пятьдесят... Кажется, сбился со счета, когда цифра перевалила за сто. За месяц до Его прихода людей расстреливали целыми группами, приводя как баранов на бойню. Тогда и стрельба была продолжительной. Потом этот закон почему-то аннулировали. Кто-то говорил, что длительная стрельба нарушает покой жителей поселка, а кто-то выдвигал версию о том, что тяжело хоронить сразу такое количество расстрелянных, зарытые наспех трупы наутро раскапывают бездомные собаки, раздирают на куски и растаскивают по округе внутренности... В месте,

именуемом Рудником, часто можно было наткнуться на обглоданные черепа, руки и ноги. Их тошнотворный запах иногда ветер доносил и до этих мест....

Он хорошо помнит лицо первого расстрелянного им человека. Отчего-то Он не мог вспомнить ясно людей, расстрелянных им потом... да, то были первые дни выдвижения Его на новую должность, Ему выдали новую одежду, шапку, обувь. И винтовка была новенькой: начальник Адилов, выдвинувший Его от мясницкого пня на новую должность, интересовавшийся Его политическим мировоззрением, научными познаниями, образованием, умением молчать... словом, вообще всем, давший Ему первые советы, пожелав Ему успехов в будущих делах, передал бразды правления новой должностью в его руки...

Да, тогда была зима. На дворе стужа; казалось, заледенев, застыли даже наводящие ужас на человека, завывающие звуки деревьев... Сидя на этом же маленьком табурете, внимательно прислушиваясь, Он пытался разобрать разговор за тяжелой дубовой дверью. Но оттуда ничего не было слышно, кроме редких стонов и глухих ударов. Как будто кого-то били. Как будто кто-то всхлипывал, прося пощады.

Потом звуки стихли.

Потом послышался шум воды.

Потом едва различимый звук шагов... и, наконец, тяжелая дубовая дверь отворилась и перед двумя вооруженными людьми показался еле стоящий на ногах, худой, как скелет, изнуренный человек: в тусклом свете комнаты он напоминал, скорее, призрак, тень, чем человека...

Он быстро поднялся на ноги. Табурет упал на бок. Взяв винтовку, пошел вперед. Его уже обстоятельно обучили. Он знал, где и как должно быть приведено в исполнение наказание...

Он деловито прижал к груди ружье, кивком головы скомандовал еле стоящему на ногах, внимательно и жалко глядящему на Него человеку: «вперед, к двери!», и сам двинулся за ним. Приговоренный к смерти человек заплетающейся походкой вышел во двор. Он ни на миг не хотел выпускать из виду приговоренного к смерти человека: преступник мог сбежать. Только много позднее Он понял, что ни один из вышедших из-за дубовой двери сбежать не сможет – после «подготовки», проведенной там, внутри, не то, что бежать, даже попытку такую предпринять было невозможно... Нет, два-три раза все же такие попытки были. Три-четыре месяца назад после усиленной «подготовки» за дубовой дверью Ему сдали парня богатырского сложения, предупредив быть бдительным, потому как тип этот здоров, как бык, вдруг захочет бежать... Как оказалось, они были правы: попытка такая предпринята была по дороге: «бык» напал на охранника, шедшего с ружьем, фонарем и железной лопатой, в мгновение ока в руках его оказалось ружье, которое он тут же на них наставил (как развязал он веревки на руках?), собираясь нажать на курок... Но вовремя раздавшийся выстрел не дал ему развернуться: Его пуля свалила «быка» на землю. Приговоренный к смерти человек не знал, что у охранника с фонарем ружье не заряжено, и даже нажми он на курок, ничего бы не произошло. На самом деле, ружье второго охранника тоже было не заряжено – запасные пули Он носил в кармане. Только его винтовка всегда была наготове. Пару раз, то ли оттого что пули пролежали в сыром месте, то ли оттого, что пороха было мало, словом, выстрела не получилось и пришлось воспользоваться запасным ружьем и патронами...

Даже потом, вспоминая первого расстрелянного им человека, Его пробирала дрожь. Почему? И сам не знал. Тогда как давно потерял счет расстрелянным им людям. Так вот, препроводив тогда приговоренного к смерти человека к месту, называемому Рудником, Он трясущимися руками поднял ружье, и прежде, чем нажать на курок, долго мерил взглядом тогда впервые убиваемого им человека, прикидывая, куда, в какую точку будет стрелять. Ему говорили, что для каждого преступника выделено две пули, и их непременно должно хватить для того, чтобы задание было выполнено.

То, как выполнит Он задание, зависело от того, как попадут в цель пули, которые Он выпустит во впервые убиваемого им человека. Правильно, человек этот весь – большая мишень, но в какую именно точку этой мишени стрелять – более важная задача...

Приговоренный к смерти в тусклом свете фонаря стоял тихо, неподвижно, руки его были связаны за спиной, поэтому грудь немного выдавалась вперед, что придавало ему какой-то странно горделивый вид. Он не знал, за что приговорили этого человека к расстрелу. Во всяком случае, было бы неплохо узнать, за какие грехи его убивали. Как бы там ни было, человека убивали; но ведь этот несчастный пришел в этот мир лишь однажды, один раз должен был жить и теперь раз и навсегда простался с этим миром. Раздастся выстрел... Вот и все... Скоро не будет ни человека, ни мук, ни боли.

...Может, поговорить с охранниками и вырвать этого человека с завязанными руками из лап смерти? Интересно, если Он предложит такое, Его тоже, как этого «подготовленного» к расстрелу, подгоняя штыками, поведут на расстрел или нет? Возможно, Его убьют как-то по-другому. Как? Повесят, к примеру, ножом на куски порежут, камень на шею – и утопят, мошонку тискаами сожмут, или посадят в комнату, закроют дверь, и Он сдохнет от голода... Вот и все.

Приговоренный к смерти человек совсем незрелый парень. Глаза, лицо его ничего не выражали. Как будто расстрелять сейчас должны были не его, а кого-то другого, ты только посмотри, сколько сдержанности и спокойствия в его позе.

Только потом Он понял, что приговоренные к смерти уже имеют дело с другим миром: конечно, люди, осознавшие неизбежность смерти... Были и такие, которые до последнего мгновения, до самого выстрела, не хотели понимать, что приговорены к смерти...

Человек, которого Он, согласно заданию, должен был расстрелять (это был первый человек, которого Он убивал!), лишь почувствовав наставленное на него дуло ружья, закрыл глаза...

Он впервые выполнял такое серьезное задание. Его первый рабочий день напоминал страшный сон. Вероятно, все это примется во внимание в Его будущей деятельности; ведь в мире нет плохих и хороших профессий. Любая работа для человека почетна; видимо, и о профессии убивать людей можно сказать то же самое. В тот день (вернее, в ту ночь) Он сделал все, как Его учили – первую пулю Он направил парню в висок. Парень ничком упал на землю. Ему говорили, что вторая пуля должна попасть в грудь. А парень, как назло, упал лицом вниз. Он оказался в безвыходном положении. Может, перевернуть его, и направить дуло в грудь? Один из охранников, заметив Его растерянность, сказал – чего стоишь, поторапливайся, времени не теряй, надо заканчивать и отправляться по домам, дети, жены ждут. Он спросил, можно ли во второй раз выстрелить в спину? Ведь расстреливаемый человек бьется на земле лицом вниз, его башмаки отлетели в сорону и он кончиком носка роя землю стонал, при этом хватал горстями землю и запихивал в рот; а Ему сказали, что вторая пуля должна попасть в грудь. Отрывисто рассмеявшись, охранник сказал, какая ему (то есть расстреливаемому) разница, куда стреляют, у него (то есть расстреливаемого) только одна мечта – поскорее распрощаться с этим миром и прибыть в мир иной. Совет охранника – одно, странным показался его бесстыжий смех. Озноб пробрал Его. Вторую пулю Он всадил прямо в спину бьющемуся на земле человеку. Парень как будто успокоился, он уже не двигался, носком ноги землю уже не рыл, не вздрагивал, и стоны стихли... До того змеей сворачивавшийся на земле человек выпрямился, как скалка... То ли в пробитой груди, то ли в горле его что-то захрипело... Да, вот и конец... И сопровождавшие Его охранники бросили на труп его несколько лопат мягкой земли места, именуемого Рудником. Может, этого расстрелянного человека пока еще нельзя было назвать трупом. Может, он был просто ранен; к тому же, казалось, что его раскинутые руки шевелились. Охранники поправили ему руки лопатой, забросали еще землей и утрамбовали ее ногами, поверх положили три-четыре больших камня, тихонько сказали «с Богом»

и направились в обратный путь... Его охватил ужас. От страха тряслись колени... Он убил человека... Человека. Молодого, незрелого парня... Такое ли простое дело – убить человека? Всю ночь до самого утра Он стонал. Страшные сны не давали покоя... Во сне шею Его змеей обвила рука; какая-то знакомая рука; тело, от которого росла рука, сгнило, но сама она была живой и здоровой. Живая рука на мертвом теле напоминала здоровую ветку на гнилом пне.

Хорошо сказано, что в любом деле лиха беда начало. Человек может преодолеть любые трудности. Была бы охота. Была ли охота в Его сердце?.. И что за охота людей убивать?.. Время заставляет все забыть. Время ко многому приучает человека... Вот и Он стал привыкать убивать людей.

Постепенно, Ему даже, кажется, стала нравиться Его работа. По мере того, как набирался опыта, Он придумывал все новые и новые способы избавлять людей от мук и страданий. Теперь Он знал такие точки на теле человека, в которые достаточно было попасть лишь одной пуле, чтобы легко отправить человека на тот свет самой короткой дорогой... Порой, находясь в нервном состоянии, такое тоже бывало, Он пробовал отправлять приговоренных к смерти в ад мучительным путем. В таких случаях первую пулю, к примеру, Он всаживал человеку в ногу, плечо или руку, послушав его ужасные крики, вторую пулю отправлял уже в «смертельную точку». Он определил, что у человека есть два-три таких слабых места: Он включал сюда область сердца, ротовую полость и виски.

Большинство умирающих людей были молодыми. Иногда встречались пожилые и даже дети... пришлось Ему также расстрелять двух женщин. Одна из них была некрасивая, пожилая. Вторая была молодой; может, и незамужней. Ее можно было назвать красивой.

Сколько же преступников живет в этом мире? Иногда Ему казалось, что все люди на земле – преступники, виноватые, и рано или поздно придет черед каждого из них быть расстрелянным... Может, и Его «очередь» уже близка?

Мир полон был грехов и грешников...

**

ХОР. – Таг!

– Ах-х-х!..

...проглотив пулю, как кусок хлеба, затих, успокоился. Ночная песнь улиток зазвучала колыбельной воцарившейся вокруг тишине.

**

АРИОЗО. Куда бы я не пришел, входя, обязательно здороваюсь: ассалам-алейкум. Прорыпаясь по утрам, прошу прощения, здороваюсь со всеми домашними. И если, придя домой, порой никого не застаю там, здороваюсь тогда с пустой квартирой. Выхожу в дорогу, здороваюсь с первым встречным городом или селом. Как-то один из знакомых, кривя губы, сказал мне, что это ты, Бек Ага, привязался так к сухому приветствию, или рухнет мир, если не поздороваяешься? Я ответил, что это не так, сынок. Здравствуй – это приветствие Аллаха. И с врагом следует здороваться. Ас-саламу-алейкум. Смысл в том, что я прошу для вас мира и благоденствия. Разве плохое пожелание? Нет! Каков же ответ? – Ва алейкум ассалам... Смысл в том, что и я желаю вам мира и благоденствия... Разве плохое пожелание? Нет! Иногда этот ответ звучит так: алейкум-ассалам ве рахматуллахи ве берекетуху. То есть, и вам мира, благоденствия, милости и благословления Аллаха! Плохо сказано? Нет! Поэтому, сынок, куда бы ни вошел, вначале поздоровайся. И не только с людьми, но и с небом и землей, с камнем и горой, с цветами и травой, и даже муравью следует пожелать благополучия. Не будь хоть чего-то из перечисленного, мира нашего тоже может и не быть. Что из того, что тюрьма? Всякое место, где ступила нога человека, священно. К тому же, этого здания коснулось дыханье Аллаха... Вот и спасибо! Вот так: салам! Алейкум-ассалам ве рахматуллахи ве берекетуху... Не беспокойтесь, все будет хорошо.

**

РЕЧИТАТИВ. Мардан Халыг оглу спустился пониже родных мест, к подножию горы, где, опустив ружье, осмотрелся, вглядываясь в даль. Вечерние сумерки особенно сгустились в овраге. Далеко на горизонте же еще трепетало бледнеющее зарево...

Уже шестой месяц он лишен родного крова. Лицо его покрывала серая щетина; это и бородой не назовешь. Его раздражала иглами топорщившаяся растительность на лице, давно не знавшем ни ножниц, ни расчески. Но больше всего донимал его голод...

В прошлом месяце ему трижды удалось навеститься домой. При виде бесхозного дома, заросшего двора, сердце его заколотилось, затосковало, но вместе с рыданием из груди рвалась злость. Мужчина с трясущимися плечами, рвущимся нутром, всхлипывая, как ребенок, опустился на ступеньки перед дверью, сжав голову руками, мокрыми глазами оглядывал двор, во тьме ночной погрузившись в глубокое раздумье.

В первый раз он был уверен, что никто не знает о его приходе. Скорее всего, его никто и не ждал. Родственники-соседи озабочены своей судьбой. С каждым днем росло число домов с заколоченными дверями. При виде своей большой серой собаки, что, тихонько звякнув цепью, смотрела на него сытыми глазами, он очень удивился; ему казалось, что собака давно уже околела от голода, без присмотра... Но ее будто подкармливал кто-то.

Во второй раз он навестил свой дом тоже ночью. И снова его встретил серый пес. И опять он выглядел сытым... Огни села давно уже потухли. Изредка доносилось бляение ягнят, лай собак. Мир погрузился во темноту. Его охватил страх. Что за тайна такая? Кто кормит, кто приваживает его собаку?

Жена его умерла давно, детей у них не было, о чем она жалела и вздыхала всю жизнь, с тем и из жизни ушла.

Один из племянников его давно уехал в город. Ему, бедняге, уезжать не хотелось, но он видел и слышал, как одного за другим уничтожают тех, кто получил образование за границей. Думал, рано или поздно, но придет и его черед. Мардану Халыг оглу казалось, что племянник, ругая на чем свет стоит, и немца Ганса, заинтересовавшего его обучением за границей, и дядю своего (то есть Мардана Халыг оглу), хотевшего видеть его образованным человеком, ищет пути избавления от грозящих ему ужасных бедствий. В конце концов, спасая жизнь свою, он и уехал в город...

С другим своим племянником Мардан Халыг оглу давно порвал. Никакой серьезной причины тому не было. Ему просто не нравился этот румяный, широкоплечий, чернобровый, черноглазый симпатичный парень. Когда-то они поспорили, по мелочи... Но главное то, что Мардан Халыг оглу терпеть не мог своего племянника. Терпеть не мог еще и потому, что слышал, будто этот симпатичный, краснощекий, черноглазый, чернобровый парень в последнее время сменил свою работу мясника на другую. Говорили, не дай Бог, упаси, Господи, Он расстреливает людей... То есть... убивает людей. Один Аллах знает, что это за работа такая... Наверное, профессия из самых новых. Пусть и не верил Мардан Халыг оглу особо этим разговорам, но в глубине души по отношению к племяннику появился холодок и даже чувство отвращения. Причина? Он и сам ее не знает. Может, оттого что, начав зарабатывать сам, племянник о дяде позабыл? А может, причиной холодности этой был сам Мардан Халыг оглу: думая порой обо всем этом, он хотел как-то оправдать своего племянника-«мясника». Мардан Халыг оглу винил себя в том, что в свое время не дал образования и этому племяннику. Верно, его старший брат, получивший образование за границей, теперь жалеет об этом и, возможно, прокликает тех, кто помог ему в этом. Что поделаться, это жизнь. И все же его долгом, как дяди, было позаботиться об их будущем. Однако возможности у Мардана Халыг оглу были слабые; несмотря на то, что семья его состояла всего из двух человек – жены и его самого, небольшого заработка хватало лишь на книжки да тетради. И все же, даже при таком положении вещей, он старался ни в чем не отказывать племянникам...

Но как бы там ни было, в дом к нему наведывался не племянник — «мясник». В этом он был уверен.

Придя домой в третий раз, он снова увидел пса в хорошем состоянии. Тогда как после последнего его посещения прошло уже больше месяца. Он чувствовал, что дом его под наблюдением. Наверное, соседям, число которых уменьшалось день ото дня, наказали непременно сообщить, куда следует, о его приходе. Но все боялись за свою жизнь. Даже если и увидит его кто, вряд ли сообщит об этом. Потому как зачастую наказывали и самих доносчиков. Для тех же, кто видел и не сообщал о тех, кто был в розыске, существовали особые правила наказания. Словом, все смешалось в этом мире.

В одну из темных ночей этого смешавшегося мира Мардан Халыг оглу стоял у себя во дворе, облокотившись на отобранную у охранника винтовку и, глядя в сытые глаза собаки, размышлял о том, что же это за чудо такое, что за дела? Кто этот добряк, что кормит и приглядывает за его собакой? Может быть, те, что выслеживают его, решили подкармливать собаку, чтобы при виде его она залаяла и дала им знать? А собака не лает, смотрит растерянно в глаза хозяину, словно старается дать ему понять, что сознает свою вину. Собака, как раскаивающийся человек, ластится к хозяину, качнув головой, только слегка звякает железной цепью. Почему, интересно? Бедное животное считает себя виноватым? Может, неловко ему, оттого что ест из рук чужого, а не хозяина?

Но всегда приходит время, когда все тайное в этом мире становится явным. Мардан Халыг оглу, придя домой в третий раз, узнал, кто кормит его собаку. Кто же этот человек? В ту ночь Мардан Халыг оглу, раздумывая о сером псе, почувствовал вдруг, как у ворот шелохнулась трава, собака тихо заворчала, кто-то осторожным шагом шел по двору. Мардан Халыг оглу упал на землю, держа винтовку наготове. Стрелять было опасно. Но другого выхода не оставалось. Сердце билось на пульсе рук. Пришедший на цыпочках подошел к собаке, достал что-то из сумки на плече, хлеб или кости, и бросил собаке. Глаза Мардана Халыг оглу привыкли к темноте. Очертания гостя показались ему знакомыми; высокий, худой, кепка с большим козырьком. Кажется, туфли на ногах... Гость чуть наклонился вперед. Стоя над собакой, он будто говорил с ней в душе, советовался, прикидывал что-то. Собака же занималась своим делом: поглощала объедки.

Наконец, Мардан Халыг оглу узнал своего незваного гостя: это был Шамиль, которому он когда-то преподавал, а после отправил учиться в институт. Шамиль Керимли. Мардан Халыг оглу и с отцом его Керемом был близок. Несмотря на большую разницу в возрасте, сдружился и с этим молодым высоким парнем... Недавно Шамиль вернулся, окончив учебу. Отец его уже умер.

По возвращении Шамиль стал работать в школе. Проработав какое-то время, снова уехал в город и скоро вернулся уже не один, женившись на девушке, с которой учился в институте. Говорили, красавица была несравненная... В этом Мардан Халыг оглу мог убедиться и сам, когда вскоре после свадьбы Шамиль пригласил его в гости. За гостем ухаживала его жена, к тому же с открытым лицом. Улыбчивой, белолицей, светлоглазой была жена Шамиля Севар... Грудь высоко вздымается под кофтой. Мардана Халыг оглу, давно потерявшего жену, пробрала приятная дрожь... С удовольствием отведав приготовленного ею плова, он еще раз поздравил хозяев и распрощался... Еще долгое время перед глазами Мардана Халыг оглу стоял ее прелестный облик.

Да, это был Шамиль...

– Шамиль... – шепотом позвал он.

Парень вздрогнул и застыл на месте. Мардан Халыг оглу поднялся, опустил ружье и осторожно двинулся к нему: «Не бойся, это я, Мардан Халыг оглу...»

Шамиль пошел навстречу темнеющему впереди пятну. В кромешной тьме лица Мардана Халыг оглу было не разглядеть, но серый силуэт его – тяжелый, грузный и осторожный явно просматривался...

Они обнялись. Наспех переговорив, Шамиль заметил, что оставаться здесь и медлить опасно. За домом следят. Настояв, повел его к себе. По дороге рассказывал о событиях последних месяцев, о том, кого забрали, кого арестовали. Как же выросло число их! За что арестовывают этих невинных? Почему все так запуталось, смешалось в этом мире? Большая часть их общих знакомых была арестована. По словам Шамиля, в этом маленьком районном центре в четырех-пяти местах действовали тюрьмы. Людей зачастую расстреливали без суда и следствия, тела хоронили в местечке под названием Рудник. Это только говорится – хоронили, на самом же деле лишь слегка забрасывали землей и все. Каждую ночь расстреливалось по двадцать-тридцать человек. Некоторые, что попроторнее, находили трупы своих родственников на Руднике и тайно хоронили их на общем кладбище. Находились такие смельчаки, что и поминки справляли... Недавно справили сороковины Шахалы-киши. Сыновья его одно время дружили с Адилем. Потом отношения их отчего-то испортились. Говорили, что Шахалы-киши арестовали по особому распоряжению Адиля Адилова. Его расстрел развеял последнюю веру и надежду людей; убрали уважаемого всеми аксакала Шахалы, что становился на защиту народа от распоясавшихся служителей закона. И кто же был организатором всех этих дел? Адил Адиров. Учившийся когда-то у Мардана Халыг оглу вместе с Шамилем, друг сыновей Шахалы-киши, а по сути своей кровопийца, злодей и палач Адил Адиров! У Мардана Халыг оглу, слушавшего сейчас ученика своего Шамиль-муаллима, от возмущения тряслись руки и колотилось сердце, как у пойманного голубя. Его как будто душил страх смерти. Почему-то ему казалось, что большую часть всех этих людей расстреливает его племянник. Мясник-палач, оставивший дело мясника и по поручению Адилова решающий вопросы государственной важности, и этот человек – его племянник... По словам Шамиля, скоро мужчин здесь вообще не останется. Теперь они жаждали крови женщин, детей, эти безбожники, нечестивцы, злодеи. А что с людьми стало? Куда вела, куда тащила их эта гонка, свалка, всеобщее истребление? Почему они, точно волки, готовы грызть друг друга? Достоянных, уважаемых мужчин больше нет. След ушедших исчезает раньше их самих. Они долго говорили об этом с Шамилем. Он поражен был умом и рассудительностью бывшего ученика. Тот же говорил, что за это он благодарен своему учителю, если бы не Мардан Халыг оглу, кто знает, как сложилась бы его судьба... Верно, что и у ученья немало своих изъянов; но одно дело прожить жизнь как животное, и совсем другое – с пониманием и осознанием этого мира... Во всяком случае, принять смерть – даже свою собственную! – лучше осознанно и с пониманием.

Их встретила жена Шамиля, в прошлый раз улыбочивая, приветливая. Севар сильно изменилась, похудела; на красивом лице ее лежала печаль. Хоть и сказала она Мардану Халыг оглу «добро пожаловать», но была как-то рассеянна. Может, недовольна тем, что муж ее навещается по ночам в дом бывшего учителя?.. Шамиль сказал, что арестовали ее отца... Теперь в опасности брат. Он должен отвечать перед законом за то, что в свое время учился в Турции... Аллах его знает, может, скоро заинтересуются и самим Шамилем с женой его Севар... «Нет доверия этому миру, Мардан Халыг оглу!»

Мир потерял доверие...

Ближе к утру они расстались... Мардан Халыг оглу вернулся к себе, к месту своего нынешнего обитания...

Теперь, когда в вечерних сумерках он осторожно спускается к кромке леса, прижимая к груди ружье, мозг его, сжатый тисками сумасшедших мыслей, будто дробится на куски и бешено бьется пульс под прикладом ружья. Сколько ни думает он, ни одна светлая мысль на ум ему не приходит. Будто голову размяли, наполнили крупичами горящего угля, и дым их выходит из самой макушки, туманит глаза. Не ждет ли его где-то в этот клонящийся к ночи

день хитроумный капкан? Сколько ходить еще ему бирюком, сторонясь людей, живя впроголодь? Может, уехать в один из далеких больших городов? Но не схватят ли его и там? Ведь говорят, там положение еще хуже здешнего. Голод, болезни и страх губят людей и там. Кажется, самый короткий и легкий путь – это смерть. Смерть?.. Смерть... Может, ему давно следовало умереть? Какой смысл в таком существовании? Детей, сыновей нет, жены тоже нет. Короче, ни одна нить не связывает его с этим огромным миром. Маленький домик, полный книг да стареющий серый пес... Что еще у него есть?.. Его лишили права преподавать, все смотрят на него, как на преступника. «Злостный преступник, убивший человека, политически опасный враг»... Против него выдвинуты такие обвинения, что волосы дыбом встают. Он остановился на берегу тихо журчавшей речки. Серые скалы будто дремлют волчьей стаей в ожидании охоты. На небе сквозь тяжелые тучи проглядывают редкие звезды.

Он вздрогнул, когда впереди метнулась в сторону какая-то странная тень. Палец лег на курок, но нажимать не стал. Тень убегала скачками, то ли лисьими, то ли заячьими, но больше напоминала человека. Может, это дух, призрак, чудище какое-то, издававшее к тому же на бегу странные звуки. Озноб пробрал его... Перебравшись через реку, он вышел на широкую проезжую дорогу...

Дорога привела его прямо к собственному дому, ставшему чужим.

Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, ни одна живая душа не обитала здесь никогда...

Он прошел во двор. Ни урчания собаки, ни позвякивания цепи. Он подошел к сколоченной когда-то им самим собачьей конуре. Внимательно взгляделся вовнутрь. В нос ударил отвратный запах мертвечины. Шея собаки была вывернута, язык вывалился набок. Цепь туго натянута. Наверное, бедное животное сдохло давно. Скорее всего, от голода. А может, застрелили? Или загрызли голодные псы? Нет, пятен крови на земле, кажется, не было... Запах падали вынудил его отойти. Открыв двери, он вошел в дом. Посуда, книги на полках, – все было перевернуто. На ограбление не похоже. Кажется, был обыск... Интересно, что искали? Деньги? Золото? Запрещенные книги? Секретные документы? Тайный договор с иностранными государствами? Наверняка, искали то, чего у него никогда не было и не будет и, возможно, эти самые «вещи» нашли и отправили, куда следует. И теперь жизнь его, вероятно, в еще большей опасности.

Осторожно прикрыв дверь, он вышел во двор. Опять ударил в нос запах мертвечины. Голова закружилась. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться на приклад ружья... Мир словно в мертвый сон погрузился. Ни звука вокруг. Ни одного светящегося окна.

Может, всех уже сослали?

Может, расстреляли всех?

Может, люди от страха свет не включают?..

Узкой тропой он пошел вниз. До дома Шамиля было еще далеко. Надо было перейти через большой арык, свернуть, пройти через поляну на краю леса. Идти следовало так, чтобы никого не встретить на пути...

Вдалеке что-то слабо блеснуло. Да, кажется, он не ошибся, это дом Шамиля... Не предупреждал ли этот слабый, тусклый свет, едва рассеивающий тьму ночного мира, о подозрительных обысках, о призраке страха, сотрясающем мир?

Чем мог провиниться Шамиль? А он сам? Он жил простой жизнью, не плеснули ли на горячий очаг холодной водой? На него напустили удава. Сколько уж месяцев он скитается вдали от родного крова...

Чем ближе свет, тем сильнее бьется сердце. Он боится столкнуться с чем-то ужасным. Это чувство не покидает его с тех пор, как увидел он этот одинокий слабый свет в темноте ночи.

Перебравшись через забор, подошел к ступенькам. Изнутри доносились приглушенные хриплые звуки, шепот, то ли женский, то ли мужской... Он насторожился. Голоса, похоже, чужие. Различить не смог...

Он вздрогнул от лошадиного всхрапа за домом. Как будто кто-то следил за ним со стороны, наблюдал. На цыпочках обошел дом. Привязанный к липе конь, цвета которого в ночи было не разобрать, при виде его дернул головой.

Он вернулся обратно. На ступеньках хотел кашлянуть, чтобы дать знать о себе тем, кто внутри. Но тут же оставил эту мысль, это могло оказаться совсем некстати. К тому же он так и не смог определить, кто там...

«Нет! Нет! Не может быть!» – слышалось из дома, это был вскрик взволнованной женщины. Похоже было на голос жены Шамиля Севар... И похоже, и нет... Затем послышался хриплый мужской голос.

Он опустил ружье с плеча на грудь. Стал осторожно подниматься по ступенькам; у двери остановился, хотел заглянуть в боковое окно – не достало духу; сочтя это невежливым, повернул назад, спустился на несколько ступенек вниз.

Шум в комнате то возрастал, то стихал. Мардан Халыг оглу определил, что слабый, дрожащий голос принадлежал Севар – женщина что-то испуганно шептала, против чего-то возражала, кажется, не соглашаясь с собеседником... Порой слышны были всхлипывания...

Мужской голос он не узнавал. Голос хрипел и, что странно, Мардану Халыг оглу казался очень знакомым. Он на чем-то настаивал, о чем-то просил женщину. То и дело произносили имя Шамиля. Интересно, где сам Шамиль? Кто осмелился прийти в дом одинокой женщины в эту пору ночи? Может, родственник? Нет, на родство это не похоже. Хозяин хриплого голоса будто молил ее о чем-то. Почему? Хриплый голос эхом отдавался в темноте ночи: «Можешь быть спокойна. Об этом будем знать лишь ты да я, и эта комната еще... даже Аллах ничего не узнает. И какой Аллах? Нет его. Запомни, к аресту Шамиля я отношения не имею; это указание сверху... А ты не убивайся... Ты здесь не при чем... Каждый отвечает только за себя. Все будет хорошо. Никто ваш род не тронет. Поняла? Теперь я здесь всему хозяин... Что ты так смотришь на меня? Или не веришь?.. Ты ведь меня знаешь... И характер мой тебе знаком. Давай поцелуй! Не хочешь? Почему? Я с первого раза, как только увидел, сразу тебя заприметил... Но Шамиль вмешался... А то все сложилось бы по-другому... Должность, положение отношения к этому не имеют...»

Нервно подрагивающий палец Мардана Халыг оглу прошелся по курку. Он с трудом сдержался, чтобы не выбить пинком дверь. Едва поборол гневный крик, рвавшийся из груди. Перед глазами заплясали огненные точки. Зубы стиснуты, губы дрожат...

Поднявшись на носках, заглянул в окно. Вгляделся в бледные лица людей, горячо перешептывавшихся в слабом свете лампы – да, это была Севар; женщина, съежившись в углу кровати, испуганно смотрела на мужчину, теребя кисти наброшенной на плечи черной шали; подол ее длинного платья был скомкан, из-под него виднелись белые ноги. Прядь черных волос упала на глаза, слабая тень ее лежала на лице; красивое лицо женщины было искажено. Высокий мужчина сидел на табурете напротив кровати и, поглаживая деревянную кобуру на боку, самым бессовестным образом сыпал словами хриплым голосом; на голове у него большая каракулевая папаха; китель с блестящими металлическими пуговицами брошен на кровать. Когда мужчина повернул голову, Мардан Халыг оглу узнал это серое бледное лицо – его бывший ученик Адилев...

После ареста его сразу привели к Адилеву. Исподлобья смерив взглядом Мардана Халыг оглу, Адилев хриплым голосом ответил на его приветствие и приказал охраннику в дверях:

– Учителя пока уведите, людей на очереди много, допросим потом и выясним все... Смотрите, не обижайте его...

Только допросить его Адилову не пришлось: убив охранника, Мардан Халыг оглу сбегал... И теперь вот от законслужителя, что столько месяцев уж ищет его, как преступника, его отделяет тонкая стена, вернее, хрупкое стекло, что разобьется вдребезги от одного удара. Эта стена, стекло, отделяющие их друг от друга, а вместе с ними и эта темная ночь, эта минута, миг этот в то же самое время их соединяли, без ведома и понимания их самих.

Человеческое сердце непостижимо, ему порой присущи странные ощущения. Мардану Халыг оглу вдруг (отчего-то) показалось, что с женщиной разговаривает ее муж Шамиль. А вдруг это и вправду Шамиль... «Шамиль? Нет, где же тут Шамиль?» В пальцах, коснувшихся холодного курка, закололо. В глазах зарябило. В слабом свете лампы он еще раз внимательно взгляделся в мужчину – теперь из-под шапки виднелся только мощный, будто бронзовый, затылок.

Рука мужчины потянулась к кровати и дальше – к женщине, забившейся в угол. Она потуже завернулась в шаль, совсем сжавшись в комочек. Крупные пальцы мужчины коснулись голых лодыжек ее. Змеей вытягивалась шея мужчины, кажется, он хотел дотянуться и поцеловать руку женщины, но губы достали только щиколотки прижались к оголенной ноге, выглядывавшей из-под платья; словно огнем полыхающим сердцем припал к родниковой воде...

Женщина смотрела на него с отвращением; она вся дрожала. Точно раскаленным железом жгли ей грудь, ее красивый рот кривился от страха. Попавшим в силки голубком безнадежно метались глаза, длинные тонкие пальцы теребили кисти накинута на плечи шали.

Адилов вдруг вскинулся, как почуявшая чужой запах собака, и взглянул на окно, словно почувствовал, что кто-то следит за ним все это время... И почему-то лицо его опять напомнило ему Шамиля... (Почему, интересно?) Потянувшись к кобуре, Адилов выпрямился, встал и пошел к двери. (Где же Шамиль?) Мардан Халыг оглу резко поднял к лицу до того прижатое к груди ружье и нажал на взведенный курок...

**

АРИОЗО. Прогресс и регресс всякого мужчины начинается у него дома, сынок. Меня часто спрашивают, почему, Бек Ага, у тебя всегда хорошее настроение? Прошу прощения у всех и у этих стен святых, я отвечаю им, что причиной тому моя жена. Она приветливым лицом меня провожает и таким же приветливым лицом встречает. И провожает – все в места невеселые – к умирающему, на поминки, похороны. Слезы, плач, гробы... Но выйдя из дома с хорошим настроением, я таким же и домой возвращаюсь.

Когда посланник Аллаха Мухаммед женился на Хадидже, ему было двадцать пять лет. А ей сорок, дважды до того она была замужем, мать троих детей. Несмотря на это, кто первым признал Мухаммеда, как избранника Аллаха? Его жена Хадиджа. Потом двоюродный брат Али, пасынок Зейд, купец Абубекр, а после Осман, Талха, Абдурахман... Вначале его сторонников было пятьдесят человек. Затем число их увеличилось до ста, тысячи, их стало миллион. Теперь сторонникам Мухаммеда нет числа; если с одной стороны число их уменьшается, то с другой – растет. Речь не об этом. Я говорю о том, что если ценят и отличают тебя дома, ты и до пророка можешь дорасти. Вот почему сначала нужно вырасти в глазах семьи, домочадцев, у себя дома. Кто сегодня упал в глазах своих близких, тот в глазах Аллаха упал еще вчера. Если вы уверены в тех, кого оставляете дома, можете не беспокоиться, все будет хорошо.

**

ХОР. – Таг- тараг!

– Тараг – таг!

– Так – тараг-так-тараг!

– Тараг – таг – тараг – таг!

– Таг- таг – таг – таг!

– Тараг – тараг – тараг – тараг!

*

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Мое нескончаемое приветствие великому вождю!

Отец народов!

Под сенью Вашей щедрости и славы мы переживаем самые значительные дни нашей жизни. А жизнь наша становится краше день ото дня. Благодаря Вашей отеческой заботе мы живем радостно и счастливо. Что еще нужно человеку? Ничего...

Отнимая Ваше драгоценное время, хотел бы поставить Вас в известность относительно некоторых вопросов. Как отмечал я в предыдущем своем письме, вины за мной никакой нет, я обвинен по ошибке. Положение мое здесь очень и очень хорошее. Как бы там ни было, от работы меня освободили. Несмотря на то, что нет кроватей, чтобы поспать, нет воды помыться, нет одежды одеться, мы счастливы все равно. Поесть дают что-то напоминающее собачье месиво, но ничего, мы смотрим в будущее с надеждой. Вот уже сколько месяцев идет следствие. Меня иногда допрашивают, слегка побивая мягкой палкой. Бывшие коллеги заподозрили меня в тайной связи с какой-то организацией. Будто я верю в Аллаха, читаю Коран, совершаю намаз. Я вообще безграмотный, как же я могу читать Коран?..

Наверное, Вас интересует, по какой такой конкретной причине меня привлекли к ответственности. Не так ли? Давайте в таком случае я все Вам расскажу, в прошлом письме я не хотел описывать случившееся подробно, думал, не стоит занимать Ваше время, расписывая все это. Но теперь вынужден буду рассказать...

Случилось это несколько месяцев назад. Активистам села раздавали книжки – членские книжки общества безбожников. Книжки раздавались под руководством и при участии уважаемого товарища из центра. Помимо него, в торжестве принимали участие Адилев и еще несколько человек. Товарищ из центра, раздавая членские книжки, книжки безбожности, активистам, пожимал им руки, желал успехов в делах, информировал о проводимой борьбе с религиозными служителями – моллами, ахундами, попами. Призывал жечь церкви и мечети. Получавшие книжки давали слово противостоять любым религиозным провокациям, бороться с религиозными деятелями. Я думал и мечтал о том, как сразу после этого торжественного заседания отгаскаю за белоснежную бороду перед народом одного моллу, имя которого в последнее время стало очень известным. А то как же?! Это они, оказывается, повергают народ в бедность и нищету! Но мечта моя не сбылась. Почему? Сейчас скажу.

В конце заседания народ – активисты – стал расходиться. Выходивший последним Готур (это прозвище у него такое) споткнулся обо что-то на пороге. Он чуть было не упал лицом вниз, но удержался, схватившись за ручку двери, и тихо проговорил: «Спаси, Аллах!» Быстренько обернувшись, я шепнул товарищу из центра и Адилеву, что Готур верит в Аллаха. Адилев спросил, откуда я это знаю. Я ответил, что вот только что слышал сам. Лицо Адилева посерело, исказилось, глаза прищурились, рот скривился. Заорал, чтобы быстро вернули Готура обратно. Первым за ним бросился я. Что может быть почетнее исполнения приказа начальника?! Приволок я его в комнату. Товарищ из центра молча смотрел на нас. Допрашивал Адилев. Ничего не понимающий Готур свирепо поглядывал на меня. Наконец, не сдержавшись, я выкрикнул, не ты ли, мол, только что, выходя из комнаты, помянул Аллаха? Готур пожал плечами: «Ну и что?» Опережая Адилева, я закричал – ты веришь в Аллаха и было неправильно давать тебе такую книжку. Краем глаза заметил, что Адилев улыбается в усы – то есть, продолжай, пусть товарищ сверху видит, какой у меня оперативный работник... Я повысил голос: «Ты веришь в Аллаха! Из тебя не выйдет безбожник!» Глаза Готура полезли на лоб. Кажется, по настрою моему он, наконец, понял, что здесь что-то не так. Дальше стали происходить неожиданные для всех чудеса. Готур достал из нагрудного кармана чухи «книжку безбожника», положил на покрытый красным сукном стол и, совершив салават, поклялся на ней, что веру не признает. Готур в здешних краях известен как обманщик, поэтому клятве его никто не пове-

рил. Адилов мне подмигнул. Я приступил к работе: ударил Готура пару раз прикладом ружья. Товарищ из центра смотрел на меня удивленно, но сдержанно молчал. Готур спросил, чем поклясться, чтобы мне поверили?.. Адилов показал на портрет на стене (это был Ваш портрет, дорогой вождь) и сказал, поклянись ему, что не признаешь ни религии, ни Аллаха. Готур поклялся. Потом я вышел на середину комнаты и сказал – поклянись, Готур, знаменем в углу, что не веришь в Аллаха. Готур поклялся знаменем. Я опять сказал – ты говоришь неправду, ты веришь в Аллаха, ты верующий. И снова пошел в ход приклад ружья... Раз, другой... Оказывается, настоящее чудо было впереди. Из кармана, откуда вынул Готур книжку безбожника, теперь он достал другую, завернутую в платок книгу и положил ее на стол. Развернул платок – это был Коран. Встав на колени, Готур положил руку на Коран и сказал, что веры не признает. Я снова заявил, что он говорит неправду (чтоб отсох мой язык!). Готур поднялся, отошел и, глядя мне в глаза, сказал: «Если я говорю неправду, пусть покарает меня этот Коран. А если ты – истинный безбожник, тоже положи руку на эту священную книгу и поклянись, что я говорю неправду». Я застыл на месте. Меня прошиб пот. Человек из центра и Адилов неприязненно смотрели на меня. Что было делать? От страха дрожали колени. Откуда я мог знать, верит этот сукин сын Готур в Аллаха или нет?.. Что попусту клясться священной книгой?.. Готур меня здорово прихватил. С другой стороны, Адилов, будто защищая Готура, заорал на меня – что стоишь, клянись!.. Человек из центра по-прежнему сдержанно молчал. Интересно, почему рассвирепел Адилов?.. Может, он видел во мне будущего противника? Не знаю... Но было и то, что я не мог поклясться на священной книге, на Коране, в том, чего точно не знаю. Ну, откуда мне было знать, признает Готур веру, Аллаха или нет?.. Готур взял надо мной верх и поедал взглядом – мол, что стоишь, давай клянись... Клянись на Коране... Клянись, что Готур врет, что Готур верит в Аллаха... Я застыл на месте. Как было клясться из-за какого-то Готура такой книгой, как Коран?.. Я ни говорить не мог, ни двигаться. Пошел вперед, чтобы приложить руку к Корану, локоть будто свело, рука в воздухе повисла, ремень винтовки соскользнул с плеча, – оружие с грохотом ударилось об пол, пуля, вылетевшая из дула, прошла насквозь портрет на стене: это был Ваш портрет, великий вождь... Пуля прошла прямо через рот Ваш. Все застыли на месте. Готур совершил салават... Коран лежал на покрытом красным сукном столе, и листы его трепетали. Чудеса продолжались, потому что у всех на глазах страницы священной книги стали переворачиваться сами по себе. Как будто дул ветер и листал страницы. На самом же деле никакого ветра не было. Не удержавшись, я рухнул на колени... Почувствовал только то, как что-то жаром обдало затылок. Открыв глаза, увидел себя здесь, в превращенном в тюрьму святом месте. О дальнейшей судьбе Готура мне ничего неизвестно...

Дорогой вождь, скажите сами, есть ли здесь моя вина? Как клясться мне понапрасну? Теперь каждый день меня мучают, бьют, якобы я специально выстрелил Вам в рот, якобы я связан с какой-то тайной организацией. У меня никогда не было никакой связи ни с какой тайной организацией. Вы дали мне свободу, и если умру я, то на смерть пойду за Вас. Но прошу Вас распорядиться выпустить меня на свободу. Выйдя отсюда, я опять добросовестно стану исполнять все поручения нашего государства, буду еще беспощаднее к врагам его. Таких, как Готур, стану расстреливать на месте...

Письмо это записывает уважаемый учитель Шамиль Керимли. Он тоже ни в чем не виноват. Во всяком случае, если виноват, то совсем немного. Записывавший мое предыдущее письмо Мардан Халыг оглу оказался врагом нашего строя. Потому как задушил охранника и сбежал из-под ареста. Подбивал к побегу и меня. В свое время я предупредил охранника о том, что он собирается бежать, но все без толку, охранник пропустил слова мои мимо ушей, и врага народа выпустили из рук. Шамиль Керимли хоть и учился у Мардана Халыг оглу, но его дорогой идти не хочет. Во всяком случае, мне так кажется.

Дорогой вождь, надеюсь, что, как только получите это письмо, вы сразу распорядитесь освободить меня. С уважением, всегда готовый служить Вам, раб нашего государства

Аллахгулу»

**

КАВАТИНА. Скоро откроется дверь, полумрак комнаты прорежет острая полоса света, человек, которого вытолкнут или выволокут оттуда солдаты, перейдет в Его распоряжение, Он же, наставив на этого человека – теперь уже приговоренного к смерти преступника, – дуло, поведет его перед собой к месту, называемому «Рудник».

Но дверь пока не открывалась. Людей в ту комнату приводили другой дорогой – Он не знал ее, вернее, знал, но своими глазами не видел; у той дороги стояли другие. Наверное, в душе тех, кто шел в комнату той дорогой, еще жила надежда, они верили в свою невиновность, тех же, кто шел дорогой, которую сторожил Он, с надеждой уже ничего не связывало, потому что выходящие из этой двери хорошо знали, куда и зачем идут – знали, что выходящие на эту дорогу обратно уже не возвращаются. Они думали только об одном, как бы ускорить ожидаемую смерть, сократить путь, поскорее покончить с мучениями... Да, и еще умереть без боли. Но как же можно умереть без боли? Еще не найдено такого лекарства, которое дарило бы человеку безболезненную смерть. Разве что могла прийти на помощь наука обрывать одной пулей предсмертный крик: секреты науки этой Он полностью изучил уже и усвоил. Гюпп!... Тапп! Хырп! Дышать перестал? Да, упокоит тебя Аллах! Нигде не болит, не ноет? Нет? И не будет! Я – опытный мясник: знаю, какой удар, с какой стороны и как действует. Это же целая наука: не каждый может одной, самое большее, двумя пулями, свалить на землю здорового, как бык, человека! Да, но почему, интересно, истребляют этих людей? Рубят людей все равно что баранов на скотобойне... Наверное, они чем-то провинились. Разве убивают невиновных людей? Жена на днях говорила, что и дядю моего арестовали, в тюрьме поднял он руку на охранника и сбежал... Хорошо, что в тот день не я был на его месте. Не то придушил бы меня и сбежал. Нет, на меня у него не поднялась бы рука. А вдруг я сам, разозлившись, убил бы его. Убил бы? Не знаю. Дело государственное. Если заметил бы, что хочет бежать, вынужден был бы стрелять. А что делать? Нельзя устраивать государство в государстве. Говорят: стреляй, должен стрелять!.. Разве я сам себе голова? Я научился точно попадать в цель. Время боязни прошло. Теперь, когда пуля попадает в тело, мне кажется, будто нож входит в сливочное масло. Как бы плохо не звучало, но иногда я получаю удовольствие от своей работы. Оказывается, между человеком и животным нет такой уж большой разницы: оба одинаково встречают смерть – оба перед смертью боятся, дрожат, оба кричат, когда попадает в них пуля или входит нож, и хрипят, когда умирают. На глаза умирающих животных набегает слеза – это хорошо знает каждый мясник. И у людей в последние минуты в глазах появляются крупные капли слез – блеск их я видел много раз на лицах умирающих людей в лунные ночи.

Интересно, в чем вина этих людей? Того же дяди моего... Какой грех на нем? Он убил человека? Но убил уже после того, как был осужден. Если его поймают – убьют. Кто его убьет? Эх, сейчас человека убить легче, чем курице голову свернуть...

Его рабочий день начинался по ночам. Обычно, ближе к утру, сдав дежурство, Он спешит домой. Днем, большей частью, спит, иногда выходит на поселок, на базар, в магазин. На улицах и дорогах людей бывало мало. Число их как будто уменьшалось день ото дня. В последнее время люди словно прятались где-то, старались не попадаться никому на глаза. Что случилось с людьми? Чего хотели они друг от друга?..

Он стал внимательно, будто в первый раз, рассматривать ружье на коленях, крепко сжимая холодное дуло. Ружье чем-то напомнило Ему холодную змею – Он содрогнулся... На лбу проступил холодный пот. Показалось, что сейчас кто-то откроет вдруг тяжелую дубовую дверь, войдет в комнату, выхватит из рук Его ружье, направит дуло Ему же в глаз и, нажав на курок, откроет огонь. Он крепко прижал к груди приклад... Никто не сможет забрать у Него двустволку! Никто!.. Это ружье дал Ему Адилов. К тому же, получая оружие, Он большими бук-

вами записал в толстой черной тетради: «Получил». И подписался внизу. Ствол ружья был коротким, приклад большим, вес тяжелым. При выстреле раздавался глухой звук: «Гюп-п-п...»

Да, так почему же давят и убивают этих людей, точно муравьев? Кто их убивает? Он сам – не один ли из тех, кто убивает? Он сам? Ведь Ему говорят «убивай», и Он убивает. А чтобы не заставлять людей долго мучиться, Он, к тому же, открывает все новые и новые методы: иногда одним лишь выстрелом кладет конец страданиям их. Это есть то добро, что Он может для них сделать. У Него нет терпения наблюдать за муками тех, кто, хрипя, падает на землю и извивается там, точно змея. И что Ему делать? Ему приказывают «убивай!» – И Он убивает. Видимо, иногда людям нужно и смерть тоже дарить, как жизнь. Смерть кладет конец всем мучениям, уводя их в тихий спокойный мир...

Это случилось какое-то время назад. В ту ночь Он провожал четвертого или пятого человека, чтобы положить конец мукам и борьбе очередного несчастного с этим миром. Это был худой, высохший, как чучело, человек средних лет. Волоча ноги, человек шел перед ним к своей неизвестной могиле. Остановившись на полпути, заключенный обернулся. Его друзья тотчас схватились за винтовки! Сам же Он непроизвольно сделал им знак рукой успокоиться. Человек-чучело-заключенный, обращаясь к ним, спросил, куда его ведут. Голос заключенного был удивительно полон жизни. Потом человек-чучело-заключенный все тем же очень живым голосом заявил, что ни в чем не виновен, и его не смогли заставить признать какую-либо вину. Он и Его друзья молча продолжили путь. Заключенный тоже пошел, едва волоча ноги. Они ничего ему не ответили. А что они могли сказать? Какое им дело до того, виноват он или нет? И потом, почему они должны отчитываться перед этим чучелом-заключенным? С какой стати? Замедлив шаг и обращаясь к Нему одному, заключенный спросил вдруг, – будь ты на моем месте, что делал бы в эти минуты, о чем думал бы? Вначале Он рассмеялся. Прикрикнул на заключенного – шире шаг, а не то... Что «а не то»? Застрелю тебя? Так и так скоро расстреляет.

По всему виду его и походке заметно было, что жизни у него осталось всего на два выстрела, на две пули. Гюпп!.. Гюпп!.. Вот и все. Да упокоит Аллах душу его... Потом Он вдруг подумал, а вдруг и Его самого... когда-нибудь вот так же, пустив впереди, поведут на расстрел, что сделал бы Он тогда? Заплакал? Закричал? Стал бы умолять? Или молчал бы? Смеялся? Почему? За что? Но кто стал бы Его слушать? Люди жестоки... В самых темных и глубоких уголках сознания и души даже самых спокойных, как ягнята, людей таится хищность тигра, коварство волка и хитрость лисицы. Нужны только подходящие условия, чтобы проявились эти хищность, коварство и злобность. Люди, как змеи. Пока никто не наступил на хвост, ползут себе своей дорогой; но стоит чуть задеть, зацепить – шипят и ищут, кого бы ужалить. Видя ягненка, помни о змее...

Да, ну что бы делал Он сам, если бы вместо заключенного Его вели бы на встречу со смертью? От страха тряслись бы колени. Наверное, и шага не смог бы ступить. Может, умоляя, упал бы на колени перед тем, кто вел бы Его на смерть. Умолял бы? Или, как мужчина, смотрел бы с высоко поднятой головой прямо в глаза человеку, который стал бы Его расстреливать? Смотрел бы? За время, проработанное здесь, сколько повидал Он таких людей, скольких расстрелял. Одним, двумя, самое большее, тремя выстрелами валил Он на землю спокойных, гордых и хмурых людей, не утративших выдержки после всего процесса «подготовки». Смерть людей, что после выстрела распластывались на земле, тоже была разной. Некоторые со стоном падали ниц, «погребение» их было делом легким. Столкнуть в яму, закидать землей и делу конец. К таким людям, то есть покойникам, Он благоволил. Встречались и такие, что, упав на землю, поднимали крик, орали дикими голосами. Таких Он ненавидел. Обычно после выстрела люди забивали рот, откуда била кровь, землей, точно пытаясь утолить жажду сердца.

Интересно, как умирал бы Он, если бы расстреливали Его самого? Спокойно упадет на колени или станет набивать землю рот? А может, будет яростно кричать, кого-то звать

на помощь? Кого вспомнит Он в миг смерти? Детей? Жену? Брата? Дядю? Или Ганса? Того самого Ганса, который когда-то отправил в дальние края Его брата и помог получить образование? Или вспомнил бы это чучело-заключенного-философа, которого вел сейчас убивать? Странные вопросы задает, бестия: куда ведете меня? Что стали бы делать на моем месте? Или сам ты не знаешь, куда мы тебя ведем? – На расстрел! Понял? Что бы мы делали на твоём месте? – Мы просто не можем тебя заменить? Осознал?!. Глупец... Чучело-философ-дурак... Ты только посмотри на его пророчества! Обрати внимание, как философствует!..

Они дошли до Рудника. Встали надо рвом. Он вдруг вскинул ружье и сразу открыл огонь, боясь, что этот глупец-чучело-философ-заключенный опять начнет задавать свои странные дурацкие вопросы, надоедать Ему и друзьям Его, поэтому Он совсем не дал ему времени, нажал на курок, и почти одновременно с этим заключенный упал лицом вниз. И вдруг заключенный... да, да, заключенный, вскочил на ноги и выпрямился во весь рост. На этот раз друзья Его опередили – лопатой и прикладом стали бить по голове, спине, груди не хотевшего умирать арестанта. Не желавший умирать заключенный упал и после второго выстрела корчился и извивался на земле, как змея, как дождевой червь... Через некоторое время вздрогнул, зашевелился и, раскидывая брошенную на него землю,.. он снова встал. Все трое застыли на месте. Человек, не хотевший умирать, смотрел им в лицо. Приговоренный к смерти заключенный никак не хотел умирать: и этот самый не желавший умирать человек с проворством кошки прыгнул вперед, но упал на дно рва, оттого что руки у него были связаны. И снова прозвучал выстрел. В третий раз они стреляли в непредвиденных ситуациях; ведь надо было экономить пули; таково было указание. Но сейчас их вынудили к расточительству – потратить лишнюю пулю. Третья пуля тотчас оказала свое воздействие: захрипев, не хотевший умирать заключенный, свернулся, как еж, увидевший змею... А потом вытянулся, как змея, увидевшая ежа. Они были уверены, что больше беспокоиться не о чем... На грудь не хотевшему умирать, но умершему, наконец, человеку положили большой камень и стали забрасывать его землей...

Сейчас, сидя у дубовой двери, обхватив приклад ружья, Он вспоминал ту ночь, того заключенного-чучело-глупца. Тот человек не хотел умирать, но он был приговорен и должен был умереть. Иного пути нет. Конца дороги, ведущей к смерти, не видно было конца.

**

РЕЧИТАТИВ. Когда раздался выстрел, привязанный к липе конь неразличимой в темноте масти, ударив о землю копытом, отрывисто заржал. Из рта его за клубился пар, будто дым костра в темноте ночи... Пронзительный, пугающий крик женщины, слившись со звуком выстрела, конским ржанием, вдребезги расколол таинственную тишину ночи. Полутемная комната в одно мгновение наполнилась густым удушливым дымом...

Адилев в шапке, сползшей на затылок, прижимая руку к кителю с поблескивающими пуговицами, упал на бок перед кроватью и скулил, завывая, как собака. Севар, прижав к груди руки, забила в угол. От страха она вся дрожала, прерывисто дыша, тихонько всхлипывала, как будто и не кричала только что. Убирая с лица черные волосы, молодая женщина пугливо всматривалась в большую тень, пытаясь определить, кто этот неизвестный, запрыгнувший в комнату через окно. Когда взгляд ее встретился, наконец, с огромными, по-волчьи блестящими в полумраке комнаты глазами Мардана Халыг оглу, она немного успокоилась.

Мардан Халыг оглу, молча, настороженным взглядом дав понять, что ждет ее во дворе, вышел из комнаты. Изнутри донесся звон посуды, шорох одежды. Каждый из них, казалось, пережил мгновения длиною в год. Женщина в накинутой на плечи черной шали, прижимая к груди узелок, подошла к Мардану Халыг оглу, державшему коня под уздцы у липового дерева. Придержав стремя, суровым взглядом он велел ей: «Садись!» Женщина, в жизни не садившаяся на лошадь, замерла на месте, растерянно взглядывая то на мужчину, то на поблескивающее перламутром седло. Поблизости что-то треснуло, точно ветка сухая обломилась. Лошадь наострила уши. Не в силах больше ждать, Мардан Халыг оглу подхватил женщину и с быст-

рогою птицы посадил ее в седло. Так же быстро продел в стремя ступню ее, протянул ей уздечку и, слегка ударив прикладом коня в бок, хрипло проговорил: «Скачи, не медли, доберись до станции...» Станцию женщина знала хорошо. От поселка до нее не более часа. Конь тронулся с места, женщина одной рукой крепко сжимала узелок, другой – уздечку...

Проводив глазами слившуюся с ночью всадницу, Мардан Халыг оглу вернулся обратно. Поднявшись по ступенькам, осторожно вошел, огляделся, держа палец на курке. Странно: раненого Адилова, только что здесь скулившего, нигде не было. На полу, в слабом свете лампы, блестели пятна крови. Как будто и не было здесь никого, звавшегося Адилем... Издалека послышался выстрел. Интересно, кто стрелял? В кого? И есть ли конец у этой ночи, у этой пугающей темноты?

Мардан Халыг оглу осторожным шагом спустился во двор. Он и сам не знал, куда и в каком направлении пойдет теперь? Ему казалось, что закрыты все дороги. У каждой переправы его ждет, выслеживает сторожевой, чтобы засадить в капкан...

Вполне возможно, что и Шамяля схватили. В прошлый раз он говорил, что за ним следят. Почему? Мало ли причин? К примеру, из-за того, что когда-то учился у Мардана Халыг оглу. Даже оттого что образование получил. Или из-за Севар, из-за красоты ее. Еще из-за чего? Да, потому что арестовали отца Севар, обвинив то ли в «левизне», то ли в «правизне»; а, может, потому что вернулся брат Севар, обучавшийся в Турции; говорят, будто бедняга тяготел то ли к «верхам», то ли к «низам». Сейчас все тянутся к какому-либо направлению. И сам он тоже. Да и что стоит найти причину? Не полон ли мир причин? Была бы шея, а топор всегда найдется. Даже на скотобойне не убивают животных с такой жестокостью. Вместе с жизнями людей обрывались и их надежды. Села превращались в пересохшие мельницы. Все погружалось во тьму, и даже восход Солнца не мог осветить эту непроглядную тьму. В действительности же, такое плачевное положение вещей в то же самое время было где-то и смешным: строили новое государство! Однако этим дело не кончалось... Новое государство строили «новые люди». Эти «новые люди», на самом деле, были «людьми старыми», просто теперь изменились их манеры и обращение; они словно пришли из какого-то иного мира и свои «новые идеи» проводили в жизнь ружьями и пушками. Соседнее село Исалы руками «новых людей» уже было освобождено от «людей старых». Друзья Мардана Халыг оглу – Мехрали Мустафа оглу, Насиб Кочари оглу, Меджид Аббас оглу, Масим Гурбан оглу были расстреляны. Все они были детьми одного села, одного рода: дети Иса-киши, дома Иса-киши. Кого расстреливали, кого ссылали.

В этой стороне, наряду с «новыми людьми», оставшимися со «старых» времен, были люди, действительно, «новые», пришлые, которых никто не знал: были среди них и русские, и армяне, и грузины... С помощью местных своих сторонников расстреливали «старых». Господи, какими же жестокими были эти люди! Может, вообще в каждом из них пряталось какое-то «бешенство» – падкость и пристрастие к крови другого, его телу?! И, возможно, теперь, когда сложились подходящие условия, то хищное чувство, то самое «бешенство», выиграв вдруг, вырвалось наружу? Раздумывая обо всем том, что было, есть и будет, волосы на голове Мардана Халыг оглу становились дыбом... «Спаси и сохрани нас, Всевышний!»

Пару месяцев назад арестовали старого знакомого Мардана Халыг оглу Шахалы-киши. Днем прийти, наверное, не решились. Побоялись, что народ поднимется. И кто же засадил Мехрали-киши? Дни и ночи проводивший у него на подворье Адилов. Друживший с его сыновьями, их гость дорогой Адилов. Кто-то среди ночи постучался в дом Мехрали-киши, попросил его выйти на минутку. Видимо, что-то почувствовав, Мехрали-киши спросил, одеться ему или выйти в исподнем? Чужак по ту сторону двери ответил шепотом, что лучше бы одеться; наверное, боялся, что услышат и поймут причину его внезапного прихода жена Мехрали-киши, не уступающая ему в уме Бахар-ханум, сыновья его Сехвалы, Мехвалы, Достумалы, Гадималы, и тогда ему несдобровать. Ночной гость, «как мужчина», сообщил, что Мехрали-киши требуют к себе власти, но зачем – он понятия не имеет. Мехрали-киши спокойно оделся, спокойно

поцеловал в лобики спавших рядком дочерей Гюлен, Телли, Зарину, глянул в сторону сыновей, спавших на большой кровати (чтобы не будить, подходить не стал), пройдя в другую комнату, шепнул на ухо проснувшейся от шума во дворе жене Бахар-ханум, что его ищут «сверху», так что пусть не волнуется, если он будет поздно. Жена, внимательно поглядев в лицо мужа, встала, сняла двустволку со стены за ковром и пошла к двери. Мехрали-киши вернул ее, лишь поклявшись могилой безвременно погибшего брата ее, и своими ногами пошел впереди, а может, позади ожидавшего его человека с ружьем прямиком в тюрьму.

Мардан Халыг оглу хорошо знал Мехрали-киши. Не имея какого-то особого образования, он, тем не менее, считался одним из самых уважаемых и почитаемых людей в этих краях. Раньше держал много скота, строил большие дома. Но как только государство решило создать артель, объединив весь скот, Мехрали-киши первым подарил государству все свои стада и отары. В большом доме разместили школу. Земляки, знавшие щедрость его, избрали его председателем; слово его имело здесь вес. С почтением относились к нему не только из-за щедрости его, но и по причине крепкого характера... За что же тогда его арестовали? Как обосновали этот арест? Не скажи, у брата его, видите ли, связь была с каким-то иностранным государством. Препятствовал обучению женщин. Портрет вождя повесил в темном углу. Держал в доме книги, написанные старым алфавитом... Помимо всего этого, Мехрали-киши арестовали еще и за старую дружбу с разбойниками – в свое время влиятельными здесь людьми – Аллахъяр-беком и Меджид-агой. Но все знали, что ни Аллахъяр-бек не разбойник и не бандит, ни Меджид-ага. Они оба были образованными людьми и любимыми друзьями Мехрали-киши... Говорили, на допросе он не сказал ни слова, как воды в рот набрал. Когда же спросили о причине такого поведения, сказал, что по лицам допрашивающих понял, что отпускать его не собираются, так что лишние разговоры ни к чему, одна только головная боль. Еще сказал, что они не шадят даже тех, кто молит их на коленях, кто продает друг друга, что же говорить о таком, как я, хмуром молчуне... – Нет, они настоящие палачи, головорезы, мне нужны не они, а такой человек, который передаст домой завещание мое; смотрю я на этот мир и думаю – много воды еще заберет это тесто прежде, чем замесится; не хотят, как видно, давать места тем, кто хоть немного сведущ в делах этого мира; им нужны не умные головы, а пустые; судьбу народа вверили детям и проходимцам; такого ученого человека, как Мардан Халыг оглу хотят уничтожить; девушек-молодух задевают; кажется, мир загробный перед нами предстает воочию...

Покойный Мехрали-киши в последнем слове вспомнил и его, Мардана Халыг оглу. Не на допросе, а в приватном разговоре... Говорят, Мехрали-киши потом и с самим Адиловым встретился. Что говорил он ему, неизвестно. Известно лишь то, что после встречи той головорез, грудорез и языкорез Адилов лежал ничком у себя дома, а после снова встретился с Мехрали-киши... Говорят, Мехрали-киши расстреляли ночью, а под утро тело его изо рва пропало... Он будто пророк Иса вознесся к небесам. Еще говорят, что делом этим особо интересовались в верхах, наутро после расстрела яму раскопали, искали труп Мехрали-киши, но, кроме горсти запекшейся крови, под большим камнем ничего не нашли. Говорят, той же ночью сын Мехрали-киши, бесстрашный богатырь Сехвалы унес куда-то на плече его труп. Где похоронили его, никто не знает, потому как не было в те дни на сельском кладбище свежей могилы. Также говорили, что Бахар-ханум, таявшая, как свеча после ареста мужа, убивавшаяся после расстрела его, через несколько дней как будто слегка ожила, восславив Всевышнего за то, что утешилась при виде спасенных останков мужа. Где же, интересно, похоронили украденный труп? Мардан Халыг оглу слышал, что о месте том знают на свете этом лишь два человека – Бахар-ханум и сын ее Сехвалы... И больше никто. Даже остальные сыновья Мехрали-киши не знают ничего о могиле отца. Таков был совет, таково решение – молоды еще, ненароком по ребячливости своей проболтаются, так что пусть это останется тайной и для них. Кто же дал им такой совет? Сам ли Мехрали-киши? А может, тот, кто приказал расстрелять его? Может, тот, кто расстреливал? А возможно, и сам Адилов? Кто дал такой совет?..

Двигаясь в неизвестном направлении, куда ноги идут, луком изогнувшись под тяжестью дум, Мардан Халыг оглу почти завидовал смерти Мехрали-киши: на этой земле хотя бы два человека знают, где его могила. Еще говорят, что семья, пусть тайком, но справила по нему поминки на сороковой день. Упокоит Аллах его душу! А если расстреляют его, узнает ли хоть кто-то об этом? Не хотел он быть убитым, как бездомная собака, и тайком наспех закопанным в какой-то яме.

Слышал он, что один из тех, кто водит людей на расстрел – его родной племянник; Мардан Халыг оглу в свое время обучал его грамоте всего три года. С одной стороны, хорошо, что не помог ему продолжить образование, да и возможности такой у него не было, он смог выучить только его старшего брата. Доходили до него слухи, что старшего, вернувшегося после обучения за границей, ищут. Почему? За связь с иностранной разведкой. Правда? У Мардана Халыг оглу будто все перевернулось внутри, а сердце, вывернутое наизнанку, словно хлыстом стегать стали. Господи! Какую ложь измыслили! Какая связь с иностранной разведкой у этого спокойного парня? Мардан Халыг оглу, наверное, в тысячный раз проклял себя: я виноват, я запятнал ребенка. Если бы не отправил его учиться с Гансом, его не искали бы сейчас; и работал бы он себе спокойно, как младший брат... Говорят... Нет, язык не поворачивается. Правда ли, что родной племянник людей расстреливает? Профессия его – убийца? Мардан Халыг оглу никогда не замечал за ним каких-то низких качеств. Да, он работал мясником, резал головы скоту и птице, но убивать людей... не хотел верить этому Мардан Халыг оглу... Сын его брата... по ночам... стреляет людей. Может, он и Мехралы-киши расстрелял. Нет, сейчас столько тюрем... Наверное, и тех, кто расстреливает, много. Аллах его знает, кто кого расстреливает. Нет, он не может ...расстреливать людей!.. Не может?!. Сможет!.. Нет, нет... Ладно, а чем виновата Севар? Тот человек, который зовется Адиловым, – язык не поворачивается называть его человеком, – тот бездушный палач, что вытворял он над приезжей молодой женщиной?! Может, и Шамиля засадил тот самый, что зовется Адиловым, в котором нет ни сердца, ни совести, ни чести? И сделал это специально, чтобы заполучить Севар. В угоду страсти своей... Оттого что является рабом своих бешеных желаний...

Мардан Халыг оглу остановился у дороги. Посмотрел на занимающийся рассвет. Со стороны станции донесся приглушенный свисток паровоза. Добралась ли Севар до станции? И куда вдруг подевался Адил, как сбежал он из дома?.. Хоть и сожалел Мардан Халыг оглу, что упустил душегуба, но в том, что не убил его, было что-то утешительное: выкатившиеся из орбит глаза придушенного им в тюрьме охранника так и стояли у него перед глазами. «Умер ли тот несчастный? Может, и хорошо, что не сдох палач. Не то во второй раз замарал бы руки кровью. И хорошо... учеником был моим, учил я его... Всю жизнь бы потом мучился. Всю жизнь?.. Сколько осталось той жизни впереди? День? Год?.. Одному Аллаху известно. Может, несколько часов всего?.. Наверное, Адилов скоро всех поднимет на ноги. Нет, Мардан Халыг оглу, может, опасного врага лучше пристрелить на месте? Нет, нет, тогда какая же разница между тобой и Адиловым? Как назвать то, что не осталось дома, который не разрушил бы Адил Адилов? Или хочешь оправдать его? Или просишь пощады для палача и душегуба? Многое еще предстоит повидать тебе, Мардан Халыг оглу!»

Светало.

*

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО.

Вечно и естественно приветствие мое, младшего сына – великому вождю нашего времени.

Наш бессмертный Аллах!

Великий учитель человечности!

По сей день остаются без ответа письма мои, обращенные к Вашему святому имени. В предыдущих письмах я информировал Вас о причине моего ареста, обстановке в тюрьме,

идеях и идеалах, за которые борюсь. Несмотря на то, что меня каждый день допрашивают, как заключенного, я имею свои особые соображения относительно заключенных, среди которых нахожусь, а также кое-какие собственные мысли, раздумья, что Вашей милостью посещают меня в благоприятных условиях, созданных для нас здесь, в тюрьме, и которыми я считаю долгом своим поделиться с Вами, в связи с чем сочту честью для себя просить Аллаха, творца земли и неба, то есть Вас, уделить моему письму совсем немного Вашего времени, что дороже золота. В чем же моя цель, желание, намерение?

Первое. Среди нас все еще очень много опасных врагов. Необходимо усилить борьбу с ними. Я говорю об этом каждый день во время следствия. Но кто меня слушает? Нет, на следователей я не жалуюсь. Они очень гуманные люди. Если иногда они и наказывают меня слегка дубинкой или прикладом ружья, я на них не в обиде, пусть видят, что я терпелив. Пусть видят, что я не виновен. Я им и Вам торжественно клянусь, что после того, как снимут с моего непорочного имени эти проклятые обвинения, я буду беспощаден к врагам народа.

Второе. Работники следствия очень мягко обращаются с нарушителями закона и порядка, настоящими преступниками. Разве одними лишь побоями можно заставить человека признать свою вину? Нет! Нет! Нет!.. Преступнику нужно объяснить. Как? Каким образом? Например, вырывая ему клещами ногти. Выдирая ему бороду и волосы. Выкручивая руки. Выдавливая глаза. Если мужчина, раздавливая мошонку, если женщина, отрезая груди. Вбивая клинья. Использовать лом, точило. Сажать на угли. Заливать в горло кипятком или расплавленный свинец, пальцы вырывать... Способов много. Я подумал и создал целую систему допроса. Если придется, применю на практике. Пусть нет у меня образования, зато опыта достаточно. Хочу привести здесь Вашу известную мысль: наши университеты – жизнь. На долю нашего поколения выпали славные схватки. Они и были нашими учителями. Образование, книги, науки нужны для того, чтобы шагать по жизни, к тому же для неопытных людей. Нас же вырастила сама жизнь. Мы не должны сворачивать со своего пути.

Третье. О людях слишком много заботятся. И результатом такой чрезмерной заботы является то, что молодое поколение растет ленивым и безразличным. Видимо, не завершено еще формирование людей в коллективе. Люди сейчас стремятся больше учиться, чем работать. У нас есть учитель один по имени Мардан Халыг оглу, я писал о нем в одном из предыдущих писем, так вот он – космополит, сбивает с толку молодежь. Не оценив трудов наших гуманных, прилежных и благородных работников следствия, бежал из тюрьмы. Какой же политической зрелости можно ждать от такого учителя? Такие ли идеалы он прививает молодежи, которую учит? Или возьмем старого середняка Мехрали. Он якобы всей душой любит нашу власть, приветствует от души наш строй. Все вранье. Он и табун свой, и стадо, и отару не просто так подарил государству. Мехрали назначил своего бывшего слугу главным пастухом на ферме. Почему? С какой целью? А с той, к примеру, целью, чтобы если завтра вдруг власть наша падет, сказать опять своему бывшему слуге, нынешнему главному пастуху, – давай-ка, сынок, возвращай во двор ко мне и стадо, и табун, и отару. Вот с такой вот целью. Обо всем этом я устно сообщил следователю. Есть у нас такой Шамиль-муаллим (я диктовал ему свое прошлое письмо к Вам), о нем стоит поговорить особо. Этот человек долгие годы портит молодое поколение бестолковыми мыслями. Говорит, что главная задача государства – заботиться о людях. Люди должны жить в достатке, ни в чем не нуждаться и так далее и тому подобное... Что это, если не контрреволюционная мысль? Ведь мы, в первую очередь, должны заботиться о богатстве государства нашего. Если оно богато, богаты и мы; а наш достаток может обеднить государство. Расправляться с такими учителями, как Шамиль-муаллим – веление времени.

Пусть я не глубоко образованный и грамотный человек, но вопросы идеологии мне хорошо известны. У меня зрелое политическое сознание. Я всегда был принципиальным. По этой причине на одном из следствий я подробно рассказал о находящемся в тюрьме вместе со мною Шамиль-муаллиме (язык не поворачивается называть его учителем), о Шамиле

Керимли, этом космополите, идеалисте, частном собственнике, когда-то учившемся у Мардана Халыг оглу, раскрыв тем самым его истинное лицо; разоблачил его – этого слепого пленника гнилой морали. Такие люди – наши классовые, национальные и моральные враги. Шамяля Керимли увели вчера, ночью он не вернулся...

Письмо это от моего имени пишет Бек Ага. Спокойный, мягкий человек. Может, он и ошибся когда-то. Но человека, осознавшего и признавшего свою вину можно простить. По моему, в каком-то из своих выступлений Вы высказывали такую или похожую мысль.

Дорогой вождь, я арестован в результате случайности и ошибки. Надеюсь, что, ознакомившись с моими умозаключениями, сообщите о моем освобождении. Оставшуюся часть своей жизни я также посвящу пропаганде Ваших идеалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.